

Александр Пальчун

**Мемуары дядюшки
Бережного**

18+

Александр Пальчун

Мемуары дядюшки Бережного

«Автор»

2026

Пальчун А. П.

Мемуары дядюшки Бережного / А. П. Пальчун — «Автор», 2026

Многое повидавший на своем веку дядюшка делится невероятными историями из своей жизни с тридцатилетним племянником. Ему есть что вспомнить о друзьях и соседях.

Содержание

Таежный лекарь	5
Призывной помощник	11
Золотой метеорит	15
Как я был сводней	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Пальчун

Мемуары дядюшки Бережного

Таежный лекарь

– Эх, Андрюша, я в свое время столько повидал, что тебе и не снилось!

Григорий Семенович Бережной сидел в плетеном кресле под старой грушей во дворе своего дома. Он изредка попыхивал трубкой, к которой пристрастился после выхода на пенсию. Когда приезжали родственники или гости, Григорий Семенович охотно делился воспоминаниями. Вот и сейчас он наставлял племянника – молодого человека лет тридцати. Андрей окончил институт по специальности «Бухгалтерский учет и анализ» и теперь работал в местном статуправлении.

– Андрюша, вот ты только начинаешь свою жизнь, а у меня в твои годы в трудовой книжке было двадцать пять записей. А теперь – все сорок. Кем я только не работал! И на стройке, и на железной дороге, одно время даже был репортером в маленькой газетенке. По моей трудовой географию изучать можно. И везде я выкладывался в полную силу, не щадил здоровья.

– Удивительная биография! Дядюшка, а правду говорят, что вы никогда не болели?

– Враки все это, Андрюша! Как это не болел? И скарлатиной болел, и коклюшем. Сам я, конечно, этого не помню – три года мне тогда было, но мама врать не стала бы.

Андрей, обладатель медицинской карты в два пальца толщиной, с восхищением смотрел на любимого дядюшку, извлекавшего из трубки клубы паровозного дыма.

– Так вы и не знаете, каково оно болеть? Когда тебя всего корежит, и трясет от температуры, как на вибростенде.

– В этом смысле, Андрюша, я и в самом деле обделен. Пацаном даже мечтал заболеть. Друзья мои хворают, лежат в домашних кроватках, а мне с самого утра надо переться в школу. Несправедливо.

Мы с Петей Скобликовым – моим соседом, ты его знаешь – в то время учились в одном классе и надумали получить освобождение от уроков. Скобликов притащил из дому градусник, который мы натерли о шерсточку до отметки тридцать восемь. Скобликов положил его во внутренний карман пиджака и бесстрашно шагнул в школьный медкабинет. Пожаловался на головную боль, и медсестра протянула ему свой термометр. Минут через пять Скобликов отдал ей свой, заряженный на болезнь, школьный же от расслабленной руки упал под рубаху.

Из кабинета мой товарищ вышел победителем – с освобождением от уроков.

Настала моя очередь изображать больного. Для полной уверенности в результате я натер градусник до тридцати девяти. Но как на грех, в тот день в школу я пришел без пиджака, удобного для манипуляций с градусником. Пришлось позаимствовать пиджачок у Скобликова.

Медицинскую сестру, вероятно, удивило появление второго ученика в одинаковой полосатой одежде – довольно редкой школьной расцветки.

Когда я протянул свой, заранее приготовленный термометр, она взглянула на него, потрогала мой лоб ладонью – лицо мое в тот момент, действительно горело, но только от волнения.

«Верни градусник!» строго сказала медсестра. Затем пригрозила, что сообщит о моем проступке классному руководителю. А за градусником пусть придут родители!

Из кабинета я вылетел красный от стыда и побежал по коридору, словно от погони.

Скобликов не меньше меня был потрясен результатом моего медицинского обследования – он лишился единственного в их семье градусника. Поэтому настоял, чтобы я возместил потерю – и мне пришлось купить ему измерительный прибор из собственных карманных денег.

С тех пор, Андрюша, я никогда не переступал порог медицинского кабинета. А если на двери увижу надпись с фамилией доктора, то убегаю от нее, как в детстве.

– Все равно, дядюшка, удивительно! Дожили до пенсии, и практически не болели.

– А дед мой, Митрофан Павлович, болел?! Прожил сто лет и даже горчичников не знал. Все время ходил, похохатывал и насвистывал. Мне далеко до него – я расстраиваюсь, когда вижу, что происходит вокруг.

– Говорят, антидепрессанты в таких случаях помогают.

– Глупости говорят! Если я нервничаю, то включаю телевизор и смотрю какую-нибудь оздоровительную программу. Теперь на каждом канале завели своих клоунов в белых халатах.

– Вот уж не думал, что телевизор кому-то помогает.

– Еще и как! Посмотрю минут десять, посмеюсь над ними, и всю мою нервность как рукой снимает! Мне этот совет по укреплению психики рекомендовал Витя Мурашко.

– Наш знаменитый доктор?

– Да. Мой давний друг и светило медицинской науки. Кстати, могу познакомить – живет неподалеку.

– С радостью познакомлюсь – много наслышан о нем.

– А вот не знаешь того, что это я его сделал доктором.

– Дядюшка, ну что вы такое говорите? Как вы могли его сделать доктором? Он институт окончил, ординатуру.

– А до этого? Мы с ним на стройке работали. Я в то время решил поправить свое материальное положение – поехал в Иркутскую область, в Бодайбо, в старательскую золотодобывающую артель. По тем временам там хорошо платили. Отработал я один сезон, показал свои способности, и на следующий год меня назначили начальником участка, который еще достраивался – потребовался мой строительный опыт.

А Витя Мурашко напросился ехать со мной, так сказать, под мое крылышко. Работал он у нас плотником – парень толковый, смывленный. Почему бы не взять проверенного человека – такой нигде не подведет. К тому же он перед этим в ДОСААФ окончил курсы трактористов и мог бы работать бульдозеристом – это самая нужная в артели профессия.

На участок мы с Мурашко вертолетом прилетели самыми первыми. Вот тут-то я и понял, каково оно быть таежным начальником! Если в артели под рукой нет нужного специалиста, то хоть ложись и помирай. В том, что прилетят сварщики, мониторщики и бульдозеристы, я не сомневался. А вот где раздобыть хотя бы завалыщегося доктора? Прошлый сезон у нас работал один пьяница – весь спирт выпил за две недели. А теперь – мне сообщили по рации – неожиданно уволился. Вероятно, не понравилось ему без алкоголя завывать по-волчьи в тайге.

А я от такой новости и сам едва не завыл! Под моим руководством будет полсотни человек, а лечить их некому. До ближайшего поселка с больницей триста непроходимых в летнее время километров. И тогда я, – Григорий Семенович широко улыбнулся, – уговорил Мурашко на первое время сделаться доктором.

– Что значит сделаться доктором?

– То и значит! Вот ты, например, когда идешь к терапевту, то откуда тебе известно, в какой подворотне он купил свой медицинский диплом? Ты пришел к специалисту, и вот он сидит перед тобой – в белом халате, в золотых очках, что-то глубокомысленно пишет. Для тебя он авторитет.

– Да какой же у плотника может быть авторитет!

– Знаешь что, Андрюша! Ты эту антирелигиозную пропаганду забудь! Белый халат от прежнего пьяницы у нас остался. Был градусник, тонометр, стетоскоп – хрипы в легких слушать. А еще – несколько брошюр и незаменимая для нашего случая медицинская энциклопедия. Так что половина авторитета у Мурашко уже была. А вторую мы с ним сами изготовили.

Когда прибыла первая партия старателей, Мурашко два дня не выходил из домика, в котором мы поселились с ним отдельно от остальных рабочих. Я сразу же объяснил прибывшим, что у нашего доктора маленькая неприятность – случился приступ аппендицита. Рация у нас, мол, села – генератор еще не работал – поэтому вертолет вызвать не могли. Вот и пришлось доктору самостоятельно вырезать себе аппендицит перед зеркалом, а я ему ассистировал.

От этого авторитет Мурашко сразу взлетел до небес. Мне тоже уважения прибавилось – все-таки ассистент.

Слушая рассказ, племянник осуждающе качал головой.

– Да ты послушай сначала войди в мое положение, – продолжил разговор Григорий Семенович. – Что мне оставалось?!

Для достоверности после якобы проведенной операции мы красной шариковой ручкой разрисовали Мурашко его давнишний шрам от аппендицита, вырезанного еще в детстве. Вокруг все обмазали йодом. Натурально получилось – такой впечатление, что только что стащили с операционного стола. Как ни крути, а в баню-то Мурашко ходить надо! А она у нас общая, без отдельных кабинок.

Некоторые работяги даже советовали доктору повременить с баней, пока рана не заживет как следует. Но тот лишь свысока поглядывал на них – нашли кого поучать! Да после той операции у Мурашко появился такой авторитет, что наши старатели и их родственники до сих пор со всей страны к нему на консультации прилетают.

– Да как же он лечил, без специальных знаний?! – Андрей все еще не мог поверить услышанному.

– По-всякому бывало. Конечно, первое время случались проколы. Мотористу, пришедшему с головной болью, он неосторожно сказал: «У тебя шарики за ролики заехали». А тот возмутился: «Уж не механиком ли вы доктор, до этого работали?!»

Поначалу Мурашко врачевал, опираясь на медицинскую энциклопедию, которую штудировал и днем и ночью. Выслушает больного, измерит давление, обстукает колени молоточком и велит явиться через час. Только работяга за порог, Мурашко сразу же ныряет в книгу – ищет подходящие симптомы и способы лечения.

Но тут, Андрюша, справедливости ради надо сказать, в тайгу народ прибывает закаленный. А если, не дай бог, который и заболеет, то в такие дни ему платят всего десять рублей, тогда как другие получают по тридцать, а то и по сорок пять – смотря сколько на трудодень выйдет.

– Но получить десятку, тоже неплохо, – заметил племянник.

– Это как посмотреть. Телевизора и книжек нет. Лежи одинешенек в бичарне – так у нас жилища назывались – и слушай, как мыши под полом бегают. А если начальник заподозрит, что сачкуешь под видом болезни, то сразу же отправит «на крыло» – то есть улетишь с первым попутным вертолетом совсем без денег. Так что в артели не принято болеть. Там даже от неизлечимых хворей избавляют.

– Как такое возможно?

– А вот так. Работал у нас один сварщик наивысшего разряда – удивительный специалист, мог консервную банку заварить. Но имел он один недостаток – где-то пристрастился глотать «колеса» – таблетки для поднятия настроения. За пару месяцев истребил он все свои запасы, привезенные из дому, а без них загрустил – ходит, ноги заплетаются. Начал он у друзей кланчить обезболивающие и прочие таблетки – глотал все без разбору. И тогда в артели придумали, как избавить его от зависимости. Сообщили бедняге, что у моториста, якобы есть чудодейственные таблетки, но он, жила, глотает их втихаря, с друзьями не делится.

Разумеется, наш сварщик начал кланчить таблетки у моториста, а тот уверяет, что такого добра никогда не держал. Но сварщик не унимается, стал обхаживать моториста, во всем угождал ему – перемывал детали в солярке, таскал тяжеленные блоки на стеллаж и обратно. А

моторист стоит на своем – нет таблеток и все. Но сварщик-то знает, что есть, на колени готов упасть.

И моторист «не устоял». Открыл он железный шкафчик, где хранил инструменты, вынул аптечку, достал из нее огромную белую таблетку, которую накануне выстругал из куска мела. Для достоверности, как и полагается в таблетках, посерединке сделал риску для деления на две части.

– Держи, – сказал моторист. – Только больше не приходи – это у меня последняя.

– И что ты думаешь, Андрюша, – продолжил Григорий Семенович. – Заглотил токсикоман меловую таблетку и словно на свет народился. Повеселел, взбодрился, скачет, как молоденький петушок. Но ненадолго. Через пару дней опять начал угасать духом и снова припелся к мотористу за чудодейственным средством. Тот две недели кормил его меловыми таблетками, и сварщик всяких раз воскресал.

Но вскоре мотористу надоела вся эта канитель. В очередной раз, когда токсикоман явился за спасительной дозой, моторист протянул ему большой кусок мела: «Я что тебе фармацевт – лекарство готовить?! Держи мел и сам строгай. А если лень выпиливать таблетку, то можешь прямо так грызть!»

– От такой неожиданности, Андрюша, – продолжил Григорий Семенович, – наш сварщик мгновенно выздоровел, хворь как рукой сняло. А ты говоришь – плотник не может помочь. Моторист в промасленной робе вылечил! А Мурашко принимал больных в белом халате. И соображалка у него хорошо работала.

Как-то пришел к нему повар с жалобой, что голова кружится.

– Ничего подобного, – заявил Мурашко, – на месте у тебя голова. Никакого кружения визуально не наблюдается. Иди отоспись, и все пройдет.

– Тут и без медицины понятно, – вздохнул Григорий Семенович. – У любого голова закружится, если полгода три раза в день без выходных готовить на пятьдесят человек! Да еще в четыре утра подниматься, чтобы хлеб выпекать!

– Все равно невероятно, – все еще сомневался племянник. – Иной раз и опытные врачи ошибаются с диагнозом.

– А Мурашко не ошибался! Если не находил в энциклопедии болезни, подходящей к жалобам, то сам придумывал какую-нибудь латинскую тарабарщину. Задолго до ковида начал инфекции изобретать! А если оказывался в затруднении, то расспрашивал у больного, когда тот родился, в каком году, в каком месяце? А сам в это время держал на коленях медицинскую энциклопедию и раскрывал ее на странице, совпадающей с днем рождения пациента. Там чаще всего находилась подходящая болячка и ее описание.

Но самым эффективным средством для оздоровления Мурашко считал воздержание от пищи. Чаще всего такой рецепт и выписывал. Если на прием приходил какой-нибудь обжора, то Мурашко сходу заявлял: «Я не ветеринар, лечить такую свинью, как ты! Жрать меньше надо!» И тут же назначал диету – голодание и постную пищу. Не было случая, чтобы предписание не помогло.

Еще, Андрюша, ты должен понимать, что в артели сухой закон. Ближайший водочный магазин за триста километров, куда летом не доехать. А если не пьянствовать, не обжираться, вкалывать как следует, да еще иметь такого доктора, как Мурашко, то никакая болячка не прицепится. На моем участке показатели заболевания были самые низкие в артели.

– Неужели совсем никто не болел?

– За полгода, конечно, всякое случалось. Если уж попадался очень сомнительный случай, то Мурашко отправлял больного на вертолете в район. При этом разводил руками: «Тут уж и я бессилен – рентгеновского аппарата у меня нет».

А однажды он сам серьезно захворал – осунулся и похудел, как мой кошелек после выхода на пенсию. Полетел в район. Мне пришлось объяснять ребятам, что доктор отправился попол-

нять лекарственные запасы. В Бодайбо его быстро поставили на ноги. А когда прилетел, то по секрету сообщил мне, что в больничке познакомился с хорошенькой медсестричкой. Осенью женился на ней, а следующим летом поступил в мединститут, который окончил с отличием. Говорят, потрясал там профессию медицинскими знаниями. Стоило назвать какое-нибудь заболевание – пусть самое экзотическое – он тут же выдавал все его симптомы и метод лечения – в тайге наизусть вызубрил медицинскую энциклопедию.

– А вот и сам Мурашко! – воскликнул Григорий Семенович. – Заходи, дорогой! Мы как раз о тебе говорим.

В калитку стремительно вошел худощавый старик в развевающемся, словно от ветра, пиджаке.

Давние приятели обнялись. Григорий Семенович указал на племянника.

– Знакомься, племяш мой – Андрей. Научи его, как беречь здоровье. Только в артель не посылай – он мне и тут пригодится.

Вскоре на столе садовой беседки задымился самовар – гордость Григория Семеновича. Появилось все, что полагается к чаю, в том числе и вишневое варенье. От водочки доктор Мурашко отказался.

– Еще рановато, – заявил он. – Да я и на пенсию ушел потому, что в нашей поликлинике начинают пьянствовать с самого утра. То у кого-то День рождения, то крестины, то сын в институт поступил. А если отказываешься, смотрят на тебя, как на белую ворону. Еще и уверяют, что алкоголь способен заменить утреннюю зарядку. Тоже мне специалисты! Только по вечерам и только в компании хороших друзей! Насморка у больного вылечить не могут, а берутся рассуждать о высоких материях. Философы!

– Кстати, – сказал Григорий Семенович, – ты философию упомянул. На этот счет Андрюша интересуется, если жизнь после смерти?

– Преждевременное любопытство. Не забивайте головы пустыми вопросами. Придет время – узнаем.

– А в каком виде лучше всего принимать лекарства, – спросил Андрей, – в таблетках, в уколах или капельницей?

– Лучше их вообще не принимать. В тяжелых случаях, конечно, предпочтительней капельницы. Особенно тем, кто постоянно капают дома на мозги. А также тем, кто не может вздохнуть полной грудью – слишком много силикона в нее вкачали.

– Вы не одобряете косметические операции у женщин?

– Я вообще никаких операций не одобряю, особенно на которые соглашаются по глупости. В нашей больнице от таких операций один плотник уже не справляется. Завели второго. Не больница, а столярная мастерская – даже в операционной сосновые стружки слышно.

– Витя, дорогой, – улыбнулся Григорий Семенович, – что-то ты последнее время стал ворчливым. Не веришь в нынешний прогресс, а сегодня медицина развивается стремительно.

– А кладбища еще стремительней, – ответил Мурашко. – А все потому, что медики стали оказывать платные услуги. У продажных женщин научились. Только что в белых халатах. Халатное отношение к народному здоровью.

– Белохалатное, – уточнил Григорий Семенович. – Зато диагноз теперь ставят моментально. Не хуже, чем ты в артели.

– Теперь еще быстрее. С порога видят, насколько тебя можно обуть. Так что, Андрюша, не рекомендую появляться в платной клинике в хорошем костюме и с дорогими часами на руке. Хорошо еще, если пострадает один кошелек. Могут втянуть в такую карусель, что живым не выберешься.

– Я вижу, не одобряешь ты платное здравоохранение? – засмеялся Григорий Семенович.

– Как я могу одобрять его, если видел все изнутри?!

– А как же основная заповедь – «не навреди»?

– Вот она только и осталась – это фундамент нынешней медицины. Не навреди доктору – не вздумай выздоравливать быстро! Приходи и лечись годами, только не забывай платить. Конкуренция-то между клиниками не хуже чем между табачными лавками.

– А ты осуждаешь коллег, – укорил товарища Григорий Семенович. – Коммерция – дело нелегкое.

– Тут я согласен – непросто уговорить пациента в ненужной операции. Клиент теперь пошел привередливый, случается, что и отказывается. В результате прибыль падает, а владелец клиники вынужден увольнять не оправдавшего доверие хирурга.

– Вы хотите сказать, – вмешался Андрей, – что платная медицина не всегда помогает?

– Как это не помогает?! Еще и как! В первую очередь – собственникам клиник. Они молятся на пациентов как на кормильцев.

– Я тут недавно побывал в одном из таких заведений, – поделился своим наблюдениями Григорий Семенович.

– Какого черта тебя туда понесло?! – возмутился Мурашко.

– Соседа своего Скобликова проводывал. Он поехал в Москву – местным не доверяет. А там огромный медицинский центр – корпусов больше, чем пятиэтажек в нашем микрорайоне. На воротах шлагбаум, посторонние авто на территорию не пропускают. И вот что я заметил. У инфекционного или пульмонологического отделения стоят потрепанные машины. Стало быть, персонал зарабатывает сущие медяки – только глаза покойникам закрывать. А вот рядом с онкологическим корпусом – машины премиум класса, одна другой дороже. Как это понимать?

Неожиданно Мурашко заморгал.

– Аллергия, – неубедительно объяснил Доктор. – Всякий раз появляется, когда слышу о платном здоровье. Откуда у нас появилась такая медицина? Ведь ее основная задача не поставить человека на ноги, а перевернуть на голову и вытрясти из карманов последние копейки. Мы в артели вот с ним, – доктор кивнул на Григория Семеновича, – бесплатно лечили, иной раз с помощью одного градусника.

– Да и с ним не всегда позволяли болеть, – добавил Григорий Семенович, вспомнив свой неудачный визит в школьный медкабинет.

– А теперь еще телемедицину выдумали. Из бесплатной превратили в беспалатную! – возмутился Мурашко.

– На расстоянии деньги заколачивают! – заметил Григорий Степанович. – А ты за сорок лет не сумел наврачевать себе приличных хоромов – живешь в доме, что от родителей остался.

– Помолчал бы! На свой дом посмотри. А знаете что? Давайте-ка все-таки выпьем что-нибудь покрепче. Гори оно все синим пламенем!

– Чистого спирта нет, – сразу предупредил Григорий Семенович. – Есть перцовочка. Как она тебе?

– Хорошее средство... только будем соблюдать дозировку.

Призывной помощник

Григорий Семенович сидел на маленькой переносной скамеечке у дверей сарая и перебирал заднюю втулку велосипеда. Велосипед стоял перед ним вверх колесами. Андрей сидел рядом, наблюдая за работой.

– Дядюшка, – сказал Андрей, – что-то я раньше не видел этого велосипеда.

– Скобликов по дешевке продал. Теперь вот думаю, не украл ли он его где-нибудь? Иначе бы торговался.

– Вы постоянно осуждаете соседа. А он человек заслуженный – даже в мирное время, будучи в армии, медаль получил.

– Андрюша, ты еще не знаешь Скобликова. Мы вместе выросли и работали в одном стройуправлении. Это такой проныра, что и словами не передать. Медаль-то он получил, только в армии не был.

– Как это не был?! Я сам видел его военный билет – мне Петр Алексеевич показывал. Там вписана медаль! И звание у него «сержант».

– Одно у него звание – прохвост! Я знаю, как он заработал эту медаль – был на его проводах в армию.

– Значит, все-таки он служил?

– Слушай и не перебивай. Да, Скобликову, как и всем нам, после восемнадцати лет, пришла из военкомата повестка. Он, конечно, хотел отпетлять, жаловался врачам в призывной комиссии на придуманные болячки. Его внимательно слушали, обстукивали в различных местах и выписывали правильный диагноз «К воинской службе годен».

Как и заведено в таких случаях, родители устроили ему пышные провода в армию. Тогда было принято – торжественно отправлять оболтусов на перевоспитание. Иной раз гуляли веселее, чем на свадьбе, где избавляются от засидевшейся девки.

Еще перед застольем дядюшка Скобликова – Никодим Павлович – предупредил будущего воина.

– Петенька, не слишком налегай на алкоголь – не опозорь родню. Два года потом будут вспоминать, а то и всю жизнь. Моя вон до сих пор не может успокоиться!

А у Скобликова в то время был лучший друг Даниил Рогожин – верный и отзывчивый товарищ. Он, как умел, утешал призывника перед будущими армейскими испытаниями. Но тот не мог успокоиться.

– Посмотри, – возмущался Скобликов, – меня еще перед призывом заставили постричься! А что будет, когда привезут в часть? Оболванят налысо!

– Да тебе идет короткая стрижка. И перед кем тебе в армии красоваться? Хочешь, и я постригусь – в коротких волосах нет никакой обиды.

Сказано – сделано. Рогожин постригся в знак солидарности с товарищем. Вот что значит мужская дружба! Баба никогда бы не обкорнала себя ради подруги!

А дядя Никодим Павлович опять талдычит насчет умеренной выпивки.

– Петенька, ты уж постарайся – знай меру. Но с другой стороны, и трезвенником сидеть за столом неприлично – неуважение к гостям. Подумают, что осуждаешь их. И посоветовал тогда дядюшка поставить на стол перед Скобликовым бутылку с водочной этикеткой, но наполнить ее водой.

Так и сделали. По одну сторону, рядом с призывником, посадили сердобольного Рогожина, чтобы он заведовал водяной бутылкой и подливал из нее только призывнику и никому больше. По другую – невесту Антонину, обещавшую дожидаться героя из армии.

Обязанности виночерпия Рогожин исполнял добросовестно – рюмка перед товарищем не пустовала. Скобликов залихватски опрокидывал стопку за стопкой с кипяченой водой. При этом кричал и морщился, как заправский пьяница.

Волей-неволей гостям, в том числе и Рогожину, приходилось поддерживать компанию призывнику. Но перед Рогожиным-то стояла не поддельная водка! Одним словом, Рогожин наклюкался не хуже иного жениха на свадьбе. А Скобликов по завершению застолья картинно хватил последнюю рюмку об пол – на счастье!

– И сбылось это счастье, – продолжил рассказ Григорий Семенович, – но не сразу. По дороге в военкомат, где их ожидал автобус, из-под ворот выскочила черная кошка. Скобликов, будучи совершенно трезвым комсомольцем, невольно перекрестился. А пьяный Рогожин давай вопить на всю улицу, что не гоже завтрашнему воину обращать внимание на бабьи приметы, и собрался было запустить в кошку камнем.

– Ты не попадешь, – остановил его Скобликов. – Я сам. Подержи рюкзак.

И надо сказать, он довольно метко угодил в четвероногую примету, которая мяукнула и шмыгнула под забор.

– Быть тебе снайпером, – предсказал дядюшка. – И не иначе, как получишь медаль!

К военкомату, где призывников ожидал автобус, компания, провожавшая Скобликова, прибыла последней. Майору Приходько, отвечавшему за доставку новобранцев на областной призывной пункт, к этому времени уже надоело укрощать разгулявшуюся толпу. Он с помощью прапорщика выдергивал новобранцев из рук пьяных родственников и заталкивал их в автобус. По ошибке под горячую руку попал и Рогожин. Во-первых, он был пьянее всех – верный признак будущего воина. Во-вторых, отличался короткой стрижкой. Но главное – на плече его болтался вещмешок с кружкой, ложкой и прочим походным имуществом.

Напрасно родственники Скобликова цеплялись за Рогожина, спасая того от рекрутчины. Майор и прапорщик свое дело знали. Дядюшка Никодим Павлович бросился на капот автобусу, но был призван к порядку водителем. Тот вышел из кабины – слава богу, без монтировки – и Никодим Павлович в полной мере отведал размашистое шоферское неудовольствие.

Дорога до призывного пункта заняла не менее трех часов. Но Рогожин протрезвел намного раньше. Со слезами в мутных глазах он стал уверять майора, что получилась ошибка.

– Да ты просто не веришь своему счастью, – отвечал тот. – И перестань размазывать сопли – тебя не на войну везут, а туда, где из тебя сделают нормального мужика.

Но Рогожин продолжал уверять в ошибке. Прапорщик на всякий случай выудил из его рюкзака повестку с фамилией Скобликова и отвесил новобранцу затрещину.

– Пить меньше надо – свою фамилию позабыл!

Неожиданно автобус остановился на мосту через реку, где останавливаться запрещалось по всем дорожным правилам. Но на этот раз причина была уважительной.

Два рыбака, удивившие рыбу с моста, повздорили из-за прикормленного места. Один из них перебросил коллегу через перила, и теперь тот барахтался и матерился в воде. Водители и пассажиры вышли из машин и тоже ему что-то кричали. Рогожин в этот момент не растерялся и под шумок решил дезертировать из армии. Убегать по асфальту не было смысла – ноги его еще заплетались, и прапорщик легко бы догнал уклониста. Поэтому Рогожин сиганул в реку – благо мостик был невысоким. По разумению беглеца, прапорщик не станет мारать честь мундира – ловить его в мутной воде.

Вода действительно была не хрустальной. Два барахтавшихся в ней человека так замутили реку, что сверху непонятно было, кто кого спасает? Скорее всего, рыбак пришел на помощь Рогожину, который плохо держался на воде. Рыбак схватил тонущего призывника, не хуже прапорщика, и выволок на берег.

Майор Приходько был приятно удивлен геройским поступком новобранца. Из всех ротозеев, стоящих на мосту, только его призывник отважился прийти на помощь утопающему. Иные ловят рыбку в мутной воде, а этот вытащил из нее человека.

Рогожин – по армейским документам Скобликов – недолго прозябал в неизвестности. Вскоре в областной газете появилась заметка под заголовком «Спасение утопающих – дело рук призывников!»

После этой публикации и вручения Рогожину медали «За спасение утопающих» его армейская карьера резко пошла в гору. Он сразу же отхватил звание младшего сержанта и теперь в караул назначался на самые ответственные объекты. Майор Приходько перед строем ставил его в пример: «Дайте мне пять человек, и я из всех вас, лодырей, сделаю людей не хуже Скобликова!!» После этого майор обычно виртуозно заворачивал изящную словесность.

На День артиллерии Рогожин целовал полковое знамя, а Скобликов в это время на гражданке целовал свою невесту Антонину.

Конечно, Скобликов, будучи невольным уклонистом, хотя и вяло, но все-таки намеревался вызволить товарища из беды. Но дядюшка Никодим Павлович советовал не торопиться.

– У тебя служба идет, а ему полезно немного помаршировать – будет знать, как пьянствовать!

Через недельку, когда с лица дяди сошли следы общения с водителем автобуса, дядюшка и Скобликов отправились в военкомат. Капитан, дежуривший в тот день, выслушав их внимательно, был удивлен.

– Вы что, с этим... как его... с Рогожиным, близнецы?

– Нет! У нас даже фамилии разные!

– Тогда предъявите свои документы.

– Да как же он их предъявит, – возмутился дядюшка, – если они уехали в армию?!

– А их хозяин решил остаться?! Хороши дела! Умудрился дезертировать даже в мирное время. Да вашего этого... как его... Рогожина, скорее всего, уже отправили на Урал, пока вы неделю тут похмелялись! И запомните, за уклонение от военной службы полагается серьезный срок! Так что подумайте, стоит ли приходить в военкомат с такими дурацкими историями? У нас новобранец Скобликов благополучно доставлен на призывной пункт. Более того, по дороге в армию он спас утопающего человека. Вот возьмите, почитайте! – С этими словами капитан протянул только что принесенную газету. – Он жизнью своей рисковал, и даже медаль за это получил! Так что идите, пьянствуйте дальше.

Скобликов и дядюшка вышли из военкомата, пошатываясь, словно и в самом деле были под градусом.

– Я ведь говорил тебе, – сказал дядюшка, – что у тебя появится медаль! Глядишь, скоро и орден дадут. Теперь мимо военкомата ходи смело – службу ты несешь добросовестно.

Почти у самого дома они встретили знакомую кошку, в которую Скобликов неделю назад запустил камнем. На удивление кошка черной оказалась только наполовину – в тех местах, где не смогла отмыть себя языком после ночевки в угольном складе.

А Рогожин тем временем почти ежедневно посылал товарищу грозные письма. Скобликов отвечал ему, что ходил в военкомат – дядюшка Никодим Павлович тому свидетель. Но там не хотят исправлять недоразумение.

Слово «недоразумение» настолько взбесило Рогожина, что он пригрозил товарищу покинуть караул вместе с автоматом. И тогда уж Скобликову точно придется служить – в дисбате, и не меньше четырех лет!

Скобликов ничего не оставалось, как ехать к Рогожину в часть и успокаивать его. Но тот к тому времени – а прошло уже месяцев семь – и сам успокоился. Кем он был на гражданке? Зеленым юнцом. А здесь он геройский сержант и сам уже муштрует зеленых салаг. С каким бы удовольствием он отмуштровал Скобликова, окажись тот в его подчинении!

– И что получается?! – заявил Рогожин приехавшему Скобликову. – Я отбарабанил за тебя самый тяжелый первый срок, а ты явился на готовенькое – на мое звание и на мой авторитет. Теперь, награжденный медалью за геройский поступок, ты, насвистывая, отбудешь каких-то полтора года. А меня заново призовут, и придется проходить курс молодого бойца?! Ну уж нет! Такому не бывать! Лучше я и дальше буду героем, а ты оставайся дезертиром!

– Еще и обвиняешь меня! – возмутился Скобликов. – Украл мою фамилию – не смог отбиться от какого-то майора с прапорщиком! А по дороге еще начал геройствовать под моим именем!

– Да говорю же, я не хотел спасать того пьяницу!

– Еще скажи, что он тебя спас. Люди все видели. И газеты не врут! Мне тебе верить, или печатному слову?

– Да я и плавать-то не умею.

– От этого твой поступок – вернее, по документам мой – еще значительней.

– Сначала научись портянки наматывать, а потом разевай рот на чужие подвиги!

– Ты что, – возмутился Скобликов, – всю жизнь собираешься жить под моей фамилией?!

А мне что прикажешь делать?

– А ты живи под моей. Чем она тебе не нравится? Приличная фамилия – я никогда не обижался. Да и какая разница, как называют человека? Фамилия – это не сапоги, ноги не натирает. Поначалу, конечно, непривычно, но потом разносишь. Да и какая твоя заслуга, что появился на свет Скобликовым? Мог бы родиться и Фатимой. Так что возвращайся, возьми у моих родителей мои документы – я им напишу, чтобы отдали – и спокойно дожидайся повестки в армию.

– И Скобликов согласился? – спросил Андрей, с интересом слушая рассказ дядюшки.

– Как бы ни так, – улыбнулся Григорий Семенович. – Плохо ты знаешь Скобликова. – Он только сделал вид, что согласился. дождался, когда товарищ вернулся из армии. А когда праздновали дембель, выкрал у Рогожина военный билет. А в том билете было указано, что Скобликов демобилизован после успешного прохождения воинской службы в звании сержанта, награжден многими знаками отличия и медалью «За спасение утопающих».

– Ну и прохвост! – возмутился племянник. – Присвоил себе чужое геройство.

– Оно, конечно, так, да не очень. В городе-то все хорошо знают, что он никуда надолго не отлучался – стало быть, не служил. И медаль свою, скорее всего, получил на пляже, подрабатывая спасателем. Кричал в мегафон: «Граждане, не заплывайте за буйки!» А сам-то и плавать не умеет!

От такой репутации, закрепившейся за Скобликовым, его невеста Антонина разругалась с ним.

– Ну и дела! – покачал головой племянник. – А что Рогожин делал без военного билета?

– А Рогожин остался верен себе. Он тут же подменил товарища – женился на его бывшей невесте, на Антонине.

– Но по документам получилось, что он не служил, и его опять должны были призвать.

– Само собой.

– И он еще раз отправился на два года?!

– Почему на два? Лет на двадцать пять – не меньше. Он после очередного призыва и призыва в часть начал демонстрировать такую подготовку и такое знание устава, что его сразу же рекомендовали в высшее военно-командное училище. Поступил он туда играючи, окончил с отличием, и был направлен служить на Дальний Восток. Демобилизовался командиром дивизии в звании генерал-майора. Вон видишь, за речкой, трехэтажный коттедж под красной черепицей – это его дом!

Золотой метеорит

– Дядюшка, – спросил Андрей у Григория Семеновича, а как так получилось, что вы со Скобlikовым учились в одной школе, вместе работали, а дом у него, как минимум, вдвое больше вашего?

– Наизобретал он себе этот дом.

– Премию получил?

– Что получил, то получил! В молодости умудрился развалить родительскую мазанку.

– Вы хотите сказать, что он снес старый дом и построил новый?

– Я хочу сказать, что сломал родительский дом по своей глупости. Раньше они жили через две улицы от нас – смотреть было не на что. Домишко тот построили сразу после войны из каких-то щепок и глины. Но по тем временам у всех были такие. Крыша не текла, в печке хорошая тяга – что еще надо?

Одно только не устраивало нас в то время – перебои с электричеством. Подстанция была слабая и отключалась при малейшей перегрузке, особенно в летнее время, когда из колодцев начинали насосами качать воду для полива. Электрики не торопились включать подстанцию – знали, история повторится, опять огородники запустят насосы, которые, к слову, и работали-то мимо счетчика. В самые жаркие дни стали обесточивать поселок заблаговременно – называли это всеерным отключением. Вот благодаря этому Скобlikов и разбогател. Построил себе новый дом.

– Поставил генератор и торговал электричеством?

– Что ты?! Тогда и думать о таком не позволялось. А генератор он и в самом деле поставил, но только крохотный – сделал его из моторчика, что крутил пластинки в радиоле.

– Но он ведь совсем маленький.

– Скобlikову хватало. И установил генератор только затем, чтобы пофорсить перед соседями. У всех в домах свечки копят, а у него электрическая лампочка.

– Дядюшка, я конечно, не большой специалист, но и этот генератор чем-то надо крутить.

– Правильно. Скобlikов водил соседей за нос, объяснял, что его генератор приводится от вертушки, что установлен на крыше вместе с флюгером. На самом деле врал – не хотел признаваться, что запасается электричеством в дневное время. Свет у него горел когда и ветра не было.

– Поставил аккумулятор?

– Нашел дурака! Будет он тебе тратиться на аккумулятор. Он соорудил на чердаке хитрое приспособление. На тросике подвесил каменные блины, которыми на железной дороге натягиваются провода. В утреннее время, когда электричество еще было, моторчик от радиолы через систему шестеренок поднимал этот груз. А когда свет отключался, груз начинал раскручивать моторчик, делая его генератором.

– Дядюшка, это называется механический аккумулятор.

– Глупостью это называется! Свет у Скобlikова появлялся только на полчаса, чтобы дразнить соседей, и показать, что он умнее всех.

И вот однажды наш Эдисон надумал увеличить срок работы своего генератора. К уже имеющимся каменным блинам решил добавить отцовскую наковальню, которая до этого валялась в сарае. Затащил ее на чердак и стал приспособливать на место. Но как на грех в то время пошел дождь, и неожиданно ударила молния с громом, да так сильно, что Скобlikов с перепугу выронил наковальню. Наковальня дернула шкив, прикрученный к стропилам. Старенькая стропила лопнула, а наковальня полетела вниз, пробила потолок и даже пол в его спальне. Слава богу, его там не было – могло бы и убить. Скобlikов только поцарапался и едва не свалился вниз в проломленную дыру.

Но проблема в другом – без стропилы крыша на доме в одном месте сломалась и прогнулась, даже пара листов шифера слетела на землю.

Ливень не унимается, вода через дыру течет прямо в дом. Но и это еще полбеды. Самое неприятное, что утром соседи увидят аварию и спросят, что случилось? Не мог же он признаться, что развалил крышу по своей глупости. И знаешь, что придумал?

– Откуда мне знать, я не изобретатель.

– Не моргнув глазом, он заявил соседям, что в его дом угодил метеорит. Многие даже поверили его басне – в ту ночь действительно в небе что-то гремело и полыхало.

Для достоверности своего вранья Скобликов убрал с чердака свое приспособление, а наковальню утащил обратно в сарай. Место пролома на чердаке и на полу спальни обжег паяльной лампой и покрасил бронзовой краской, которая продается в магазинах. По его версии, это был след метеорита, пробившего дом насквозь и ушедший в землю.

Вся улица ходила смотреть на последствия падения небесного камня. А Скобликову только этого и надо – избежал соседских насмешек.

– Неплохо придумал, – одобрил племянник.

– Неплохо, если бы на этом и успокоился. Но не таков Скобликов. Он решил еще и подзаработать на своей глупости. Позвонил в городскую газету и пригласил корреспондента на место происшествия. Через два дня в «Посторонкинском вестнике» появился сенсационный материал о подарке из космоса, угодившем в жилище одного из читателей. В статье говорилось, что обломок астероида, скорее всего, состоит из золота, о чем свидетельствуют расплавленные частицы, оставленные на чердаке и половых досках в доме.

Разумеется, Скобликов пред приходом корреспондента расширил дыру в полу спальным, расковырял землю под ней и подновил «место падения» бронзовой краской – якобы это были следы ушедшего в землю метеорита.

На следующий день после газетной публикации Скобликов направился в местное отделение Госстраха за возмещением понесенных убытков.

Мы в те времена все страховали свое имущество, – продолжил Григорий Семенович. – Один раз в год к нам, как правило, перед получкой приходил страховой агент и надоедал до тех пор, пока не застрахуемся хотя бы на десятку.

В Госстрахе уже слышали об удивительном случае, поскольку там работал один из соседей Скобликова – прихожан баптисткой церкви Евтюхов. Узнав о метеорите, Евтюхов так и сказал: «Бог шельму метит!»

Скобликова в Госстрахе встретили неласково – там всех, кто приходили за деньгами, не жаловали. А Евтюхов, отвечающий за выплату компенсаций, поднял договор «пострадавшего», ознакомился с ним, улыбнулся до ушей, а затем вежливо объяснил, что возмещение убытков не полагается. Ибо застраховано только имущество, и то лишь на случай пожара и наводнения.

– Какое наводнение?! – возмутился Скобликов. – У нас речка за пять километров! Я пострадал от небесной стихии – самого едва не убило. – Он продемонстрировал царапины, полученные на чердаке.

– Да если и убило бы, все равно ничего тебе не полагается! Ты не жизнь свою страховал, и не дом, а только имущество. А имущество – это табуретки, шкаф, диван и все такое прочее. Они-то все целые. Какое тебе возмещение? Да мы и не отвечаем за астрономические случаи. Это по части Всевышнего – туда и жалуйся. Но я бы не советовал тебе этого делать. Лучше помолись и благодари Господа, что промахнулся, запустив в тебя куском золота. И проси, чтобы тебя вычеркнули из списка грешников – не гневи Всевышнего. Он тебе золото подбросил, а ты за копейками к нам приплелся. Побойся бога! Он тебя не только метеоритом, еще и метеоризмом наградит.

– Другим рассказывай поповские байки! – возмутился Скобликов, – Я неверующий.

– Тогда иди к астрономам и там требуй возмещения! Они забыли предупредить тебя о падающем камне. А может это и не метеорит был, а брошенная с космического корабля бутылка с запиской о помощи?! А ты вместо того, чтобы достать ее и прочесть прибежал к нам – только о себе думаешь!

– Я судиться с вами буду! – разъярился Скобликов.

– Да пожалуйста – сколько угодно! Все равно ничего не высудишь. Лучше подумай, какую заповедь нарушил, и все время молись – может быть, Он простит тебя. – Евтюхов поднял глаза к потолку и перекрестился.

– За вами не поспеешь! Целыми днями надоедаете ему своими молитвами. Смотри, как бы твой боженька не осерчал, и не побил тебе окна в доме! А из метеорита я вставлю себе золотые зубы и буду ходить улыбаться тебе!

С этими словами Скобликов хлопнул дверью и ушел.

– Ужас какой-то! – воскликнул племянник.

– Но и это еще не все, – продолжил рассказ Григорий Семенович. – То ли Евтюхов заявил куда следует, то ли в налоговой инспекции сами прознали о небесном подарке Скобликову. Вскоре в их полуразрушенный домишко явился налоговый инспектор с портфелем в руках и с ехидной улыбочкой под усами. Он осмотрел место происшествия, понюхал и потрогал пальцем следы бронзовой краски. Затем инспектор в доходчивой форме объяснил, что упавшее с неба золото надобно выкопать при свидетелях – чтобы не было соблазна его утаить. А когда золото будет извлечено и взвешено, три четвертых от его веса полагается сдать государству. Оставшаяся четверть останется Скобликову, как человеку, нашедшему клад. Разумеется, от стоимости этой четверти придется заплатить подоходный налог в размере тринадцати процентов. Ничего не поделаешь – таков закон!

Тут Скобликова, что называется, понесло.

– Да какой же это клад?! Это подарок от Господа, в которого я истово верю и которому молюсь каждый день! Вот вам, например, он подарил усы. Но вы за них налога не платили! И вообще, все, что находится в моем доме – моя собственность!

– Погодите, – остановил его инспектор. – Никто не посягает на вашу собственность. Ни мебель, ни дом, ни поломанная крыша нас не интересуют. Речь идет о земле, на которой стоит строение. Земля под ним принадлежит государству, и не может быть приватизирована. Стало быть, все, что находится в земле, принадлежит государству. Золотой слиток, извините, сейчас в земле, а не в вашем кармане. Так что не спорьте понапрасну! Только благодаря щедрости государства и его справедливым законам вы можете претендовать на одну четверть. А будете возражать, мы проведем расследование – откуда появилось золото? Все ли оно в сохранности, или часть его уже отпилена и перепрятана? И не дай бог, выяснится недостача! В этом случае законодательство предусматривает наказание до двенадцати лет лишения свободы.

Вот в какую историю вляпался наш изобретатель! – воскликнул Григорий Семенович. – Ведь никакого золота под его домом и в помине не было – он выдумал его. А теперь еще придется отвечать за выдумку!

– Что вляпался, то вляпался! – согласился племянник. – Но как же он выкрутился? Насколько я знаю, в тюрьме он не сидел.

– А не мешало бы. Оправдался тем, что не может нести ответственность за лживую прессу. Это газета, а не он, написала, что с неба падают куски золота. Как можно давать непроверенную информацию?! Не исключено, конечно, что метеорит когда-то состоял из золота. Но пока он летел, драгоценный металл сгорел в атмосфере, как сбережения граждан после перестройки.

Тут надо напомнить, что в то время как раз начиналась вся эта канитель с распадом страны, – добавил Григорий Семенович. – Появились первые кооперативы.

И вот один из предприимчивых бизнесменов предложил Скобликову хорошую сумму за его разрушенный дом. Скобликов сразу же согласился, получил серьезные деньги и купил себе нынешний дом.

А тот предприниматель быстренько снес развалюху Скобликовых, на его месте пробурил скважину и поставил заводик по разливу питьевой воды. Назвал ее «Небесная благодать». Случай с метеоритом в то время облетел всю окрестность, так что реклама для нового продукта почти не требовалось. Сейчас, конечно, изредка напоминают, что «Небесная благодать» обладает целебными свойствами и содержит микроэлементы, принесенные из космоса.

Но Скобликов и после этого не успокоился. Он потребовал от водоразливочной компании часть акций, как человек стоящий у истоков прибыльного бизнеса. Когда же его послали подальше, он пригрозил, что расскажет прессе, что на самом деле никакого метеорита не было – он выдумал его. Он объяснит, почему разрушился дом!

Но тут нашему изобретателю живенько объяснили, что в таком случае он бесследно исчезнет в земле, как исчезло до сих пор не найденное на его участке золото.

Только после этого Скобликов уgomонился.

Как я был сводней

Воскресным вечером, когда гости разъехались, Григорий Семенович и его племянник Андрей отдыхали в летней беседке. Сумерки сгущались. В траве и на огороде стрекотали кузнечики, которых неграмотные писатели называют цикадами.

Григорий Семенович был в благостном расположении духа. И виной тому вовсе не отъезд гостей. За ужином он принял свою обыкновенную норму – сто грамм коньячка, а теперь заполучил благодарного слушателя. Что еще надо пенсионеру, многое повидавшему в жизни?

– Андрюша, а что ты скажешь о Недельских? – спросил Григорий Семенович.

– Которые уехали на стареньких жигулях?

– Да, о них.

– Очень приятная пара. И льнут друг к другу, словно вчера поженились.

– Умница – наблюдательный. Весь в меня. Только не знаешь, что своим счастьем они обязаны мне – это я подтолкнул их к свадьбе.

– Я думаю, если бы не подтолкнул, они все равно...

– Оставь свои «если». Они обожали друг друга, только Николай в молодости, как и ты, кстати, опасался женитьбы. Был он в те годы робким молодым человеком, хотя, признаться, и сейчас не герой. Не осмеливался он признаться Ларисе в своих чувствах. А какая, спрашивается, тут нужна смелость?! Схватил за руку и поволок в загс. Лариса была бы только рада.

Мы с Николаем в то время на стройке в одной бригаде работали. Извел он и меня, и Ларису своей нерешительностью. Не мог сказать ей самого обыкновенного слова – люблю. Девичья робость в мужском теле. Он с малолетства так устроен, что прежде чем что-то делает, сто раз подумает и столько же раз переиначит. Это комедия, наблюдать, как он ходит по рынку и выбирает, например, яблоки. Все ряды обойдет, пять раз приценится, наметит, которые понравились. А когда вернется к ним, торговца уже нет – тот все продал и уехал домой.

– Встречаются такие люди, – согласился племянник.

– А Лариса в те годы не яблочком была, а румяным персиком. Еще и влюбилась в этого олуха. А он все никак не отваживался на признание.

И придумал я тогда подтолкнуть его к решительным действиям. Сообщил Николаю, что Лариса не просто красавица, а еще и внучка директора известного автозавода. Мол, она только изображает из себя бесприданницу. А у того балбеса, который попадет в их семью, будет одна забота – придумывать, как потратить дедушкины деньги? Я так и сказал ему: «Колян, не робей – в свое счастье, как в яблочко, бей!» «Не будь бобылем – утешься рублем!»

– И он повелся?

– Что ты?! Я только хуже сделал. Мой товарищ окончательно упал духом. Начал оправдываться, что он, как человек порядочный, не может позволить себе жениться на деньгах. Вот если бы он имел приличное состояние, тогда другое дело. А соблазнить девушку ради денег, это самое низкое дело!

– Самое низкое, – возражал я, – любить девушку и не соблазнить! И низость не только по отношению к ней, но и к другим мужикам. На такой красавице всякий захочет жениться. Охмурит ее какой-нибудь пустобрех сладкими речами и оденет колечко на палец. И каково ему будет жить с той, которая любит другого – тебя? Ты об этом подумал? Ему – трагедия, и ей несладко.

– Ты хочешь, чтобы я стоял под венцом и думал о ее приданном? – упирался Николай.

– Думай о чем хочешь. А приданное, кстати, всего лишь выходное пособие молодоженам от родителей. Так что, перебори себя, одержи победу и становись героем!

– Чертовски некрасиво геройствовать таким способом.

– Как ты можешь говорить «чертовски»?! Посмотри на Ларису. С таких иконы пишут – ангелица! А обвенчаешься с ангелицей и сам ангелом заделаешься. А сейчас – настоящий тормоз – медлительная у тебя влюбленность.

– А ты хочешь, чтобы она была скоротечной, как чахотка?

– Вот досомневаешься, что в старости женишься на какой-нибудь дуре. Не хочешь думать сейчас, потом придется думать за двоих. Или еще хуже – женишься на страшненькой. Зрение к тому времени у тебя подсядет. А пропишут очки – поздно уже будет. Вот тогда припомнишь мои советы.

– Это бесчестно – получать дармовые деньги!

– И это говорит человек, который не может спокойно пройти мимо казино?! Ты играешь и ставишь на zero, чтобы загрести чужие бабки. Это, по-твоему, честно? Молчал бы уж! Заходя в публичный дом, порядочность, как и шляпу, оставляют на крючке. А твоя порядочность – не шляпа. Она внутри тебя, и ее никто не отнимет. Да у тебя просто чердак неправильно меблирован – обыкновенных вещей не понимаешь!

Каких только доводов я не приводил, – вздохнул Григорий Семенович, – все бесполезно. Ничего не помогало. И тогда я решил пойти на хитрость – напоить его для смелости. Затащил Николая в забегаловку, которую ее владельцы почему-то называли рестораном. Мой товарищ сходу заказал двойную порцию овощного салата. Я же от себя добавил: «Мы не в огороде – принесите графинчик водки».

Я хотел, чтобы мой товарищ в этой забегаловке забежал за грань своего трусливого сознания. И у меня получилось. Чем чаще появлялся официант с новым графинчик, тем ближе мы подходили к цели. Николай, вероятно, догадался, что я решил устроить, и не очень противился.

От страха перед будущим визитом к Ларисе он набрался, словно жених на свадьбе. Мне ничего не оставалось, как тащить его, но не к Ларисе, а сначала к такси, а затем – к нему домой, на третий этаж.

Но это было только начало будущей операции! – Григорий Семенович повеселел, вспоминая случай. – Я остался ночевать у Николая. А когда он проснулся со страшной головной болью, стал просвещать его, что он натворил накануне. Разумеется, перед этим спросил, помнить ли он, как мы выходили из ресторана?

По тому, как он беспомощно озирался, пытаясь понять, где находится, и как вяло растирал виски, я понял – у него идеальный провал памяти. Стало быть, можно действовать.

– И такси не помнишь? И как ты распорядился ехать к ней?

– К кому... к ней?

– К Ларисе.

– Нет... этого не помню.

– Тогда слушай. Мы забрали Ларису, и ты зачем-то пожелал ехать в казино.

– В казино? Пьяный! Да ты что! Почему ты не остановил меня?

– Мы вдвоем тебя останавливали. Но куда там! Здесь у тебя смелости хватило!

– И сколько я проиграл? – упавшим голосом спросил Николай.

– Ты? Проиграл? Пьяному всегда везет. Помнишь прораба Терехина – упал с третьего этажа, и без единого вывиха! Ты выиграл огромную сумму!

– Я? Выиграл?

– Полтора миллиона.

Мой товарищ осмотрелся по сторонам – не спит ли он. А если не спит, то где его деньги?

– Можешь не искать. Ты их подарил.

– Как подарил?! Кому подарил?!

– Ясное дело кому – Ларисе. Кому же еще! Хотя там были и другие дамочки, и никто бы из них не отказался от такого презента. Но ты выбрал ее! Она противилась – не хотела принимать. Но тебя нельзя было остановить. Ты заявил, что любишь ее, и она должна принять

деньги и считать их своими. В противном случае ты грозился сжечь их, а сам повеситься. Нет, вру, ты обещал застрелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.